

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. В. Семериков

Из истории академической словарной картотеки

В 1886 г. после длительного перерыва Второе отделение Академии наук возобновило работу по составлению академического словаря русского языка. Этот год следует считать также и годом возникновения словарной картотеки. В предисловии к первому тому словаря на буквы А—Д, подготовленному акад. Я. К. Гротом, говорится: «В прежнем академическом Словаре выписки из книг делались очень редко, и притом большей частью из памятников старинной письменности; при словах современного языка они являлись совершенно случайно и заимствовались из весьма немногих писателей. В настоящем издании, напротив, такие извлечения составляют весьма существенную часть его, и источником для них служат все наши первоклассные и некоторые второстепенные писатели. Рядом с примерами этого рода помещаются нередко народные поговорки и пословицы»¹.

Из старых материалов, полученных в наследство от предшественников, в картотеке обнаружены выписки, выполненные в начале 50-х годов XIX в. П. П. Дубровским, И. И. Давыдовым, П. А. Плетневым, А. С. Афанасьевым и М. И. Сухомлиновым. Извлечения были сделаны из сочинений И. И. Дмитриева, Луганского (Даля), М. Н. Муравьева, А. А. Марлинского, К. Н. Батюшкова, В. Ф. Одоевского, В. А. Жуковского, Д. В. Давыдова. Всестороннее изучение материалов картотеки показывает, что в ее составе едва ли найдется более двух-трех тысяч

---

¹ Словарь русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук. Т. I, А—Д. СПб., 1895, стр. XI—XII.

выписок, появление которых можно было бы отнести к периоду до 1886 г. Образцы этих выписок и по форме и по содержанию отличаются от выписок, начатых в 1886 г. Я. К. Грот дает такую оценку этому наследству: «Общий обзор материалов приводит к убеждению, что они составлялись без определенного плана и ясно сознаваемой цели. Для изготовления нового словаря труд, оставленный нам в наследство нашими предшественниками, может служить только некоторым пособием, но потребует во многих частях обширных дополнений, в других — совершенной переделки»².

Первыми и самыми деятельными помощниками Я. К. Грота по выборке материалов для словаря были молодые ученые, окончившие Петербургский университет, — Е. В. Петухов, Н. А. Смирнов, П. К. Симиони и этнограф П. В. Шейн. Несколько позднее выпиской цитат из сочинений писателей занимались И. Ф. Наумов, Н. А. Иваницкий, С. И. Пономарев и др.

В отчете ОРЯС за 1886 г. впервые сообщается, что Отделение приступило к приготовлению материалов для словаря, «в котором значение и употребление слов будет подтверждаться примерами, заимствованными из сочинений лучших наших писателей, начиная с Ломоносова в хронологической их последовательности» и далее — «для этой цели, по поручению Отделения и по его указаниям, уже составлен магистрантом Петербургского университета Н. А. Смирновым словарь к сочинениям Ломоносова. Одновременно с этим Отделение озаботилось приготовлением словарных выписок и из других писателей и в одном из своих заседаний уже рассматривало словарные выписки из „Капитанской дочки“ Пушкина»³. Акад. А. А. Шахматов, возглавивший после смерти Я. К. Грота словарное предприятие Академии наук, во много раз расширил круг источников словаря, включив в него также и областную лексику. Для выполнения новой, расширенной программы словаря были привлечены новые сотрудники. Деятельное содействие Шахматову в пополнении картотеки оказали Н. Е. Васильев, В. А. Водар-

---

² Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 182 — Протоколы заседания ОРЯС за 11 и 17 января 1886 г.

³ Отчеты имп. Академии наук по ОРЯС за 1866—1891 гг. СПб., 1903, стр. 607.

ский, П. А. Дилакторский, П. А. Иваницкая, члены семьи П. К. Симоны (сестра и дочери), В. И. Чернышев, Н. П. Шляков, Кресцовы и мн. др. Ближайшее участие в создании картотеки принял И. Ф. Наумов, с 1889 г. исполнявший обязанности делопроизводителя ОРЯС, а с 1893 г. по 1903 г. состоявший выборщиком словарных примеров. Его вклад в картотеку весьма значителен: цитаты, выписанные им из произведений свыше 200 авторов, из 15 названий журналов и 12 названий газет, исчисляются многими десятками тысяч. В картотеке встречаются в большом количестве выборки П. А. Иваницкой (из 48 авторов), Н. Е. Васильева (из 36 авторов), П. В. Шейна (из 24 авторов), П. А. Дилакторского (из 15 авторов). В результате мер, принятых А. А. Шахматовым, фонды картотеки быстро увеличиваются, в 1913 г. составляют 675 000 карточек, в том числе:

на буквы А — Д и П — Я	около 500 000	карточек
на букву М	» 50 000	»
на букву Н	» 60 000	»
на букву О	» 65 000	»

К 1917 г. собрание словарной картотеки увеличилось до 800 000 карточек-цитат.

Осенью 1917 г. материалы словарной картотеки вместе с рукописями и редкими книгами Библиотеки Академии наук и другими научными ценностями академических учреждений были эвакуированы из Петрограда в Саратов.

Всемирно-исторические события, происходившие в России в 1917—1920 гг., заслонили собой частные события академической жизни. Не вызывает поэтому удивления то обстоятельство, что об эвакуации академической словарной картотеки мы находим беглые упоминания в трудах только двух членов Словарной комиссии — акад. В. М. Истрина и чл.-корр. АН СССР Е. С. Истриной⁴.

Вопрос об эвакуации из Петрограда наиболее ценного в научном отношении академического имущества обсуждался в первый раз еще в ноябре 1915 г. Об этом свидетельствуют следующие два документа, встретившиеся в делах Канцелярии Конференции Академии наук. Это, во-

⁴ Известия Академии наук, 1927, № 18, стр. 1664; 1946, т. V, вып. 5, стр. 416.

первых, записка директора I Отделения Библиотеки Академии наук акад. А. А. Шахматова от 10 ноября 1915 г. и, во-вторых, справка завед. Архивом Б. Модзалевского от 25 ноября 1915 г. В этих документах приводится расчет о потребности в упаковочных средствах для предполагаемых к эвакуации рукописей, редких книг, архива, имущества Пушкинского Дома и других научных ценностей. По расчету А. А. Шахматова, для упаковки рукописей и редких книг требуется 4000 ящиков общей стоимостью в 24 000 руб.⁵

Эвакуация академических научных ценностей осуществлена была не в 1915 г., а двумя годами позже, в октябре 1917 г. Приведенные в документах расчеты о потребности в упаковочных средствах и данные о весе свидетельствуют о том, что в 1917 г. эвакуировано имущества значительно меньше, чем предполагалось первоначально, т. е. в 1915 г.

2 сентября 1917 г. под председательством Президента Академии наук А. П. Карпинского состоялось заседание Комиссии по вопросу об эвакуации Академии из Петрограда. На заседании присутствовало 15 академиков, членов Комиссии. А. А. Шахматов доложил Комиссии о предположениях относительно вывоза из Петрограда рукописей I и II Отделений Библиотеки, Азиатского Музея и Архива Конференции Академии наук. Комиссия постановила поручить академикам А. А. Шахматову, С. Ф. Ольденбургу и М. А. Дьяконову принять соответствующие меры к вывозу по железной дороге рукописей Библиотеки — в Саратов и рукописей Азиатского музея и Архива Конференции — в Москву, в Исторический музей. По вопросу об эвакуации Академии было «Положено: в виду отсутствия каких-либо определенных указаний на опасность со стороны неприятеля, не эвакуировать Академии и не прекращать тем работ самой Академии и ее ученых учреждений; ограничиться лишь сделанными ранее постановлениями об отсылке некоторых отдельных предметов и о вывозе некоторой части рукописей»⁶.

Не считаем возможным ограничиться сведениями об эвакуации лишь словарной картотеки, поскольку ее

---

⁵ Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 2, оп. 1, 1917, д. 38, л. 3, 12. На обложке дела имеется пометка: «Заведено 2-е дело; 1-е утеряно».

⁶ Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 2, оп. 1, 1917, д. 38, л. 27:

эвакуация была связана с судьбой других научных ценностей Архива АН СССР.

Организационная сторона подготовки академического научного имущества к эвакуации была поручена А. А. Шахматову. В сохранившемся черновом наброске плана эвакуации, адресованном Особоуполномоченному по разгрузке Петрограда, А. А. Шахматов излагает все подробности организации этого мероприятия, вплоть до таких деталей, как приобретение замков для запора вагонов с научными ценностями Академии, а также памяткой для себя о том, чтобы «не забыть при отъезде получить бумаги: командировочные листы и удостоверения о том, что едут с грузом от Академии наук». В числе учреждений, участвовавших (или, как называет Шахматов, «примкнувших») в эвакуации своего имущества, были: Университет, Археографическая комиссия, Толстовский музей, Пушкинский Дом, Архив Конференции, II Отделение Библиотеки, Архив II Отделения, Словарь русского языка, Дружининская коллекция. Для перевозки имущества, уложенного в 551 ящик, Путевым ведомством было выделено пять вагонов. В первых числах сентября 1917 г. были получены телеграфные сообщения от ректора Пермского университета Покровского и от ректора Саратовского университета Заболотного о согласии их принять на хранение академические рукописи и редкие книги. Выбор пал на Саратов. Намечалось окончить подготовительные работы по отправке имущества 20 сентября и отъезд — 24 сентября. Однако 30 сентября П. К. Симоны в письме к А. А. Шахматову сообщает об окончании укладки в ящики только части бумаг II Отделения, предназначенных к отправке, и спрашивает А. А. Шахматова о том, чем заполнить оставшееся свободное место в одном из ящиков⁷. В письме от 4 октября 1917 г. в I Отделение Библиотеки Академии наук по Отделу рукописей, подписанном А. А. Шахматовым, сообщается о препровождении двух ящиков с шифром ОРЯЗИСЛ № 1 и 2, в коих упакованы:

- а) подлинные протоколы РАН с 1841 по 1917 г.;
- б) подлинные протоколы Разряда изящной словесности с 1900 по 1914 г.;
- в) дела Разряда изящной словесности с 1900 по 1914 г.;

⁷ Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 134, оп. 3, № 1394, л. 44.

г) рассылные книги за 1865—1914 гг., 1909—1918 гг. и 1900—1911 гг. (всего в числе 38 книжек 4°);

д) приходо-расходные книги с 1902 по 1914 г. включительно (всего в 11 переплетах).

Письмо заканчивается просьбой присоединить эти два ящика к тому транспорту эвакуируемых рукописей Рукописного отделения, который подлежит вывозу из Петрограда.

Отправка академического имущества из Петрограда состоялась 9 октября 1917 г. Пять вагонов с академическим имуществом сопровождали библиотекарь Ф. И. Покровский и служители Д. И. Виноградов и Н. Д. Грузнов. Еще раньше прибыл в Саратов с наиболее ценными рукописями В. И. Срезневский. А. А. Шахматов, оставаясь в Петрограде, внимательно следил за продвижением отправленного груза и оказывал всяческое содействие скорейшей доставке его к месту назначения. Получив телеграмму от Ф. И. Покровского о задержке академических вагонов в Царицыне под Москвой, А. А. Шахматов 16 октября обратился с письмом к Непременному секретарю Академии С. Ф. Ольденбургу с просьбой «похлопотать перед Министром путей сообщения о том, чтобы он дал телеграмму по линии следования наших вагонов с указанием, чтобы их не задерживали при перцепках»⁸.

Эвакуация академических рукописных и книжных ценностей была благополучно завершена. Прибывший в Саратов 21 октября 1917 г. академический груз был встречен и принят В. И. Срезневским. Непременный секретарь Академии наук 8 ноября 1917 г. особым документом выразил признательность В. И. Срезневскому от имени Конференции Академии наук за выполнение поручения Академии по перевозке ценных рукописей из разных учреждений Академии в Саратовский университет⁹.

Как указывалось выше, согласно постановлению Комиссии по эвакуации от 2 сентября 1917 г., предполагалось часть академического имущества, именно научные материалы Азиатского музея и Архива Конференции, вывезти в Москву, в Исторический музей. Однако в Московский исторический музей было принято 16 октября 1917 г.

⁸ Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 158, оп. 3, 1917, д. 8, л. 1, 7, 9, 11, 191, 221.

⁹ Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 2, оп. 1, 1917, д. 38, л. 53, 75, 83, 92.

на хранение всего пять пакетов с уникальными ценностями. В числе их были: перстень А. С. Пушкина, перо Фета (пакет № 2066), рукописи Пушкинского Дома (пакет № 2067), миниатюры Пушкинского Дома (пакет № 2068), платиновая посуда химической лаборатории (пакет № 2069) и золотые монеты Азиатского музея (пакет № 2070). В мае 1920 г. платиновая посуда химической лаборатории была выдана академику Н. С. Курнакову. Остальные ценности, хранившиеся в Историческом музее, возвращены Академии наук в ноябре 1920 г.¹⁰

Свыше трех лет ценнейшие рукописи и другие научные материалы Академии наук находились на хранении в Саратовском университете. Окончание гражданской войны и переход страны к мирному социалистическому строительству сделали возможным и необходимым возвращение в Петроград академических научных ценностей. История возвращения этих ценностей приобретает особый интерес в связи с тем, что в организации этого дела принимал непосредственное и самое горячее участие В. И. Ленин.

В академических кругах неоднократно поднимался вопрос о необходимости скорейшего возвращения из Саратова в Петроград рукописных и других научных ценностей Академии наук. Однако происходившая в стране гражданская война, а также тяжелое состояние железнодорожного транспорта делали крайне опасной перевозку академического имущества. В начале 1920 г. Археографическая комиссия обратилась с письмом в Академию наук, в котором ставился вопрос о возможности совместного осуществления перевозки указанных научных ценностей. Непременный секретарь Академии наук С. Ф. Ольденбург в ответном письме от 10 февраля 1920 г. сообщил Археографической комиссии, что «по мнению Академии, в современных условиях транспорта представлялось бы в высшей мере опасно предпринять теперь же перевозку рукописей и книг из Саратова в Петроград»¹¹.

В конце 1920 г., когда после разгрома внутренней контрреволюции и иностранной интервенции положение страны окрепло, Академия наук снова вернулась к решению вопроса о возвращении рукописных и книжных

¹⁰ Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 2, оп. 1, 1917, д. 38, л. 53, 75, 83, 92.

¹¹ Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 133, оп. 1, д. 1048, л. 45, 46.

ценностей в Петроград. На заседании Общего собрания Российской Академии наук, состоявшемся 6 ноября 1920 г., Непременный секретарь Академии С. Ф. Ольденбург доложил, что 14 октября был срочно командирован в Саратов на две недели старший хранитель Библиотеки В. И. Срезневский по делу реэвакуации из Саратова в Петроград академических рукописей¹².

В. И. Срезневскому, успешно выполнившему задание Академии наук по доставке ее научного имущества в Саратовский университет в октябре 1917 г., ровно через три года была поручена организация перевозки этого имущества в Петроград.

В Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится краткая записка (1¹/₄ стр. машинописного текста) В. И. Срезневского «Возвращение рукописей Рукописного отделения Библиотеки Академии наук из Саратова в 1920—1921 гг.»¹³ В этой записке В. И. Срезневский рассказывает о той большой помощи, которая была оказана В. И. Лениным и В. Д. Бонч-Бруевичем Академии наук в доставке академического научного имущества в Петроград. Владимир Ильич дал указание Бонч-Бруевичу «Экстренно и изо всех сил помочь в перевозке рукописей». Вот что рассказывает об этом В. Д. Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях «В. И. Ленин в Петрограде и в Москве (1917—1920 гг.)»: «В Москву А. А. Шахматов приезжал еще с ходатайством перед правительством о реэвакуации академического имущества, в том числе ценностей Рукописного отделения, которые были отправлены в Саратов еще при царском правительстве, когда немцы стали угрожать Петрограду. А. А. Шахматов в этот приезд дважды виделся с Владимиром Ильичем. Владимир Ильич очень внимательно отнесся к этому вопросу, лично обсуждал план реэвакуации величайших научных ценностей и сделал распоряжение о предоставлении права начальнику экспедиции с любой станции от Саратова до Петрограда соединяться лично с ним по прямому проводу для улаживания всех недоразумений, которые могли встретиться в пути.

---

¹² Протоколы заседаний Общего собрания Российской Академии наук, 1920, стр. 89.

¹³ В. И. Срезневский. Возвращение рукописей Рукописного отделения Библиотеки Академии наук из Саратова в 1920—1921 гг. Фонд воспоминаний о В. И. Ленине. ИМЛ при ЦК КПСС, стр. 1—2.

Алексей Александрович Шахматов был крайне доволен всей организацией этого сложного дела. Для перевозки академического имущества был снаряжен особый товарный поезд с прицепом пассажирского вагона, в котором помещился В. И. Срезневский, назначенный начальником экспедиции, и несколько его помощников — служащих Академии. Служащие Академии и отряд, выделенный для охраны эвакуированных ценностей, были снабжены необходимым провиантом по списку, лично утвержденному Владимиром Ильичем. Саратовским городским и железнодорожным властям были даны телеграммы о важности этой экспедиции. Владимир Ильич лично переговорил по прямому проводу с секретарем Саратовского партийного комитета и представителем Совета рабочих и солдатских депутатов и возложил на них ответственность за всю эвакуацию. Ф. Э. Дзержинскому было поручено по линии ВЧК оказать всяческое содействие этому делу. Поезд был составлен в Москве и осмотрен технической комиссией. С каждой большой станции в Управление делами посылали телеграфное уведомление о следовании поезда, и об этом тотчас же докладывали Владимиру Ильичу.

В Саратове все имущество было благополучно погружено в несколько дней.

Владимир Ильич лично следил за прохождением этого поезда.

Явившийся к нам в Кремль В. И. Срезневский был в восторге от четкой организации дела и трогательно благодарил Владимира Ильича за его внимание к перевозке этих важных культурных ценностей»¹⁴.

Академическое имущество в Петроград было доставлено в два приема — в декабре 1920 г. и в июле 1921 г. В четверо суток дважды был сделан путь из Саратова в Петроград. В первой партии прибывшего в декабре 1920 г. имущества были и словарные материалы, упакованные в шесть ящиков за № 223—227. На годовом торжественном заседании Российской Академии наук 29 декабря 1920 г. Непременный секретарь академик С. Ф. Ольденбург в своем докладе особо отметил возвращение академических ценностей в Петроград:

---

¹⁴ В. Д. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин в Петрограде и в Москве (1917—1920 гг.). М., 1956, стр. 31—32.

«Исключительной важности событием в жизни наших библиотек было начало реэвакуации рукописей, вывезенных в 1917 г. в Саратов. Благодаря энергичному содействию всех властей, чрезвычайной предупредительности и деятельной помощи Саратовского университета и исключительной энергии, проявленной служащими Академии и специально библиотеки, значительная часть рукописей благополучно привезена в Петроград, а остальную часть предполагается перевезти в январе»¹⁵.

О времени возвращения академических научных ценностей в Петроград в Архиве Академии наук сохранились два документа: первый — расписка сотрудников Библиотеки Академии наук В. И. Срезневского и Ф. Ф. Скрибановича о принятии ими 14 декабря 1920 г. от Саратовского университета 137 ящиков с рукописями и книгами и второй — удостоверение, выданное 14 июля 1921 г. старшему хранителю Рукописного отделения Библиотеки Ф. И. Покровскому о том, что он командирован на Николаевский вокзал для наблюдения за выгрузкой двух вагонов с рукописями, прибывшими из Саратова.

Так благополучно закончилась «одиссея» редких рукописей и книг Академии наук, продолжавшаяся с сентября 1917 г. по июль 1921 г.

Названные выше документы о прибытии академических научных ценностей опровергают утверждение авторов II выпуска «Исторического очерка и обзора фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук», изд. 1958 г., о том, что первая партия рукописей и книг прибыла в Петроград лишь в июле 1921 г. и остальная часть — в 1922 г.

Другая неточность, связанная с изложением истории реэвакуации академического имущества, вкралась в статью «Драгоценный груз», напечатанную в газете «Известия» за 13 апреля 1960 г. В этой статье говорится, что «Осенью 1920 года академик А. А. Шахматов обратился к В. И. Ленину с просьбой помочь вернуть спасенные от гибели и расхищения научные сокровища в Петроград». Эта версия повторяется и в очерке Б. Яковлева «Драгоценный груз», напечатанном в сборнике «Ленинские страницы». Автор очерка повествует:

---

¹⁵ С. Ф. Ольденбург. Российская Академия наук в 1920 году. Пг., 1921, стр. 6.

«1 ноября 1920 года. . . Шестой день начавшегося 26 октября победоносного наступления Красной Армии против врангелевцев. . . Неумолчно стрекотали телеграфные аппараты рядом с кремлевским кабинетом Владимира Ильича. А Председатель Совнаркома в это время беседовал с академиком Шахматовым о доставке рукописей Академии наук из Саратова в Петроград»¹⁶.

Академик Шахматов не мог осенью 1920 г. заниматься вопросами реэвакуации академических рукописей, так как к этому времени его не было в живых.

Поводом для появления и распространения ошибочного утверждения о том, что якобы Шахматов встречался осенью 1920 г. с В. И. Лениным, послужило, по-видимому, цитированное выше место из воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича. Автор воспоминаний, несомненно, забыл о своей статье «Памяти русского ученого А. А. Шахматова», напечатанной в газете «Известия» за 12 октября 1920 г., в которой он писал, что А. А. Шахматов скончался 17 августа 1920 г. . . . Неверно также утверждение В. Д. Бонч-Бруевича и о том, что будто бы «ценности Рукописного отделения были отправлены в Саратов еще при царском правительстве». Указанные нами выше документы свидетельствуют о другом, а именно о том, что эвакуация академических научных ценностей была осуществлена в октябре 1917 г., в период агонии Временного правительства.

23 июля 1920 г. состоялось последнее заседание Отделения русского языка и словесности, на котором председательствовал А. А. Шахматов. Следующее очередное заседание ОРЯС 2 сентября 1920 г. происходило под председательством акад. В. М. Истрина. На этом заседании В. М. Истрин доложил членам Отделения о том, что «за смертью А. А. Шахматова, он, как старший по избранию среди наличных членов Отделения, принял на себя временное исполнение обязанностей Председательствующего».

Возвращение в Петроград рукописных материалов ОРЯС и словарной картотеки поставило в порядок дня вопрос о немедленном возобновлении работы по изданию Словаря русского языка. Уже 9 февраля 1921 г. В. М. Истрин доложил Отделению о прибытии материалов

---

¹⁶ «Ленинские страницы». Документы. Воспоминания. Очерки. М., 1960, стр. 36.

для словаря и о начале работы по нему. На этом же заседании было постановлено возбудить ходатайство об учреждении трех новых должностей научных сотрудников I разряда. В 1922 г. в состав Комиссии по изданию Словаря русского языка входили: Е. С. Истрина, П. Л. Маштаков, С. П. Обнорский, Ф. И. Покровский, В. И. Чернышев, Л. В. Щерба и Н. К. Ядрышев. С получением в 1924 г. в новом здании Библиотеки Академии наук отдельного помещения для Словарной комиссии были начаты работы по приведению в порядок картотеки, материалы которой до этого находились в разных местах.

Словарная картотека Института русского языка, основание которой было заложено акад. Я. К. Гротом и акад. А. А. Шахматовым, за 75 лет своего существования превратилась в уникальное собрание лексических богатств русского языка. По уточненным данным, в настоящее время в ее фондах содержится 6 000 000 карточек. Таким образом, за годы Советской власти в словарную картотеку поступило свыше 5 000 000 карточек.

В разное время в словарную картотеку поступило немало специальных собраний лексических материалов, которые хранятся отдельно от фондов общей картотеки. Из числа наиболее ценных в научном отношении следует назвать следующие собрания: два словаря на карточках к сочинениям Ломоносова, словари к сочинениям Сумарокова, Державина и Вяземского, словарные материалы, собранные акад. П. И. Кеппеном (приобретены Вторым отделением Академии наук в 1846 г.), «материалы Ленинского словаря» в количестве 140 000 карточек, а также большое количество областных материалов для словаря народных говоров. В отношении «материалов Ленинского словаря» необходимо сделать следующее пояснение. В отчете Академии наук СССР за 1934 г. говорится, что полученное из Москвы Институтом языка и мышления специальное картотечное собрание в количестве 140 000 карточек было составлено в 20-х годах на специальные ассигнования В. И. Ленина¹⁷. По-видимому, поэтому этим материалам и было присвоено название «Ленинских». Однако заведующий Словарным отделом Инсти-

---

¹⁷ Отчет о деятельности Академии наук СССР в 1934 году. М.—Л., 1935, стр. 378—379.

туда чл.-корр. Академии наук В. И. Чернышев в январе 1939 г. дал указание сотрудникам Института называть упомянутое собрание «Материалами Ушаковского словаря». Об этом был составлен 29 января 1939 г. следующий протокол: «В составе картотеки Словарного отдела имеется собрание материалов, служивших для составления Толкового словаря, издаваемого под редакцией проф. Д. Н. Ушакова. Эти материалы работниками картотеки неправильно именуется: „Ленинский словарь“. Настоящее собрание постановило: 1) снять указанное неправильное название; 2) именовать данное собрание: «Материалы к составлению Толкового словаря под ред. проф. Д. Н. Ушакова», сокращенно: „Ушаковский словарь“».

Позднейшей проверкой было установлено, что составители Толкового словаря русского языка в 4-х томах под ред. Д. Н. Ушакова, вышедшего в 1935—1940 гг., не имели никакого отношения к собиранию вышеназванных материалов; они не имели этих материалов в своем распоряжении и при составлении словаря. В настоящее время упомянутому собранию словарных карточек, находящихся на хранении в Словарном секторе Института русского языка в Ленинграде, восстановлено первоначальное название — «Словарные материалы 1920-х годов», под которым они поступили в Институт в 1934 г.

Несомненно, что эти материалы были собраны для Словаря русского языка, работа по составлению которого была начата по указанию В. И. Ленина в Академическом центре Наркомпроса РСФСР в начале 20-х годов. Как свидетельствуют некоторые документы, хранящиеся в Ленинградском Архиве АН СССР, между председателем Редакционного комитета словаря И. И. Гливенко (в Москве) и председательствующим Отделения русского языка и словесности Академии наук акад. В. М. Истриным (в Петрограде) установилась связь и сотрудничество по словарной работе. На XI заседании ОРЯС 7 сентября 1921 г. обсуждалась просьба Редакционного комитета Словаря русского языка при Академическом центре Наркомпроса (в Москве) о предоставлении ему права воспользоваться материалами Академии по Словарю русского языка для работы по составлению вышеупомянутого словаря. На заседании было постановлено «просьбу

удовлетворить»¹⁸. В Петрограде было организовано Отделение московского словаря, заведующим которого был назначен проф. Л. В. Щерба. В июне 1922 г. Редакционный комитет московского словаря обратился к В. М. Истрину с новой просьбой — переслать через заведующего Петроградским отделением словаря проф. Л. В. Щербу корректурные листы неизданных еще выпусков Академического словаря на букву И, «существенно необходимых для работы над новым словарем»¹⁹. Академическая словарная картотека в Петрограде начала работу по такой систематизации своих фондов, чтобы можно было обслуживать своими материалами оба словаря: и академический, и московский. В отчете Комиссии по изданию Словаря русского языка (в Петрограде) за 1922 г. о связи между московской группой словарников и академической в Петрограде говорится следующее:

«Благодаря помощи, оказанной Комиссией Редакцией по составлению Современного литературного справочного словаря (московского словаря), работа по приведению в порядок материалов словаря велась в широком масштабе», и далее — «разобранный в алфавит материал академической картотеки был разделен на 3 части: 1) областной материал; 2) выписки из произведений 18 века; 3) выписки из новой литературы. Такое явление диктовалось не только запросами редакции московского словаря, нуждающейся в выписках лишь по новой литературе, но и формой академического словаря»²⁰.

В собрании словарных материалов, полученных из Москвы, было обнаружено большое количество выписок, скопированных с карточек академической картотеки. Копирование цитат было выполнено сотрудниками Словарной комиссии Академии наук, по-видимому, по просьбе московских словарников.

В списке источников нового словаря, для издания которого интенсивно подготавливалась материальная база в виде картотеки цитат из современной художественной, публицистической и политической литературы, встре-

---

¹⁸ Известия Российской Академии наук, VI серия, № 1—18. Пг., 1921, стр. 167.

¹⁹ Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 2, оп. 1922 г., № 7, л. 46—48.

²⁰ Там же.

чаются имена свыше 50 авторов. Творческая деятельность большинства авторов относится к концу XIX и началу XX в. В Московском картотечном собрании встречается немало цитат из следующих дореволюционных журналов: Вестник Европы, Живописное обозрение, Живописная Россия, Мир божий, Русское богатство, Русская мысль, Русское слово, Современный мир, а также из советской периодики: из газет — Беднота, Известия, Правда, Коммунистический труд и из журналов — Вестник театра, Жизнь, Искусство, Искусство Коммуны, Красный журналист, Творчество, Красная Новь, Пролетарская культура, Художественная жизнь и др.

И. А. Фалев, выступая на совещании сотрудников Словарного отдела в марте 1940 г., так определил задачи картотеки: «Наша картотека имеет давность 54 года. За это время были разные установки. Цели картотеки и словаря различны. Идея картотеки — собрать все слова из всех произведений русской письменной литературы; идеал современного русского словаря — иметь на каждое слово, входящее в словарь, десятка полтора цитат»²¹. Вся практическая работа картотеки в довоенные годы была направлена на выполнение этой задачи. Много труда вложили в картотеку А. А. Шахматов, С. П. Обнорский, Л. В. Щерба, П. К. Симони, В. И. Чернышев, Д. К. Зеленин, Е. С. Истрина, И. А. Фалев, С. Б. Томашевский, С. А. Еремин, Н. К. Ядрышев.

Особенно велик вклад С. П. Обнорского.

Большой интерес к словарной работе Академии наук проявляли ученые различных отраслей знания, а также деятели культуры и искусства. Этот интерес к словарным делам Академии наук нашел свое яркое выражение, например, в письмах П. И. Чайковского к С. И. Танееву и акад. Я. К. Гроту. Приводим выдержки из этих писем.

1. Из письма П. И. Чайковского к С. И. Танееву от 14 января 1891 г.: «Дело, по которому я жаждал свидания с тобой, есть „Академический словарь“, издаваемый теперь вновь, и редакцию музыкальной части коего возложил на меня в. к. Константин Константинович. Будучи крайним невеждой во всем, что составляет музыкальную ученость, я без помощи твоей, Кашкина и Ларош обой-

²¹ Протокол совещания сотрудников Словарного отдела ИЯМ АН СССР 22 марта 1940 г.

тись не могу. Впрочем, оказывается, что это дело не так к спеху, как я думал»²².

2. Из письма П. И. Чайковского к Я. К. Гроту от 10 мая 1892 г.: «Глубокоуважаемый Яков Карлович! Прежде всего позвольте принести Вам чувствительную благодарность за присылку мне первого выпуска Академического словаря. Вместе с тем благодарю Вас за честь принятия меня в число сотрудников словаря. Очень буду рад и впредь по мере сил содействовать этому прекрасному делу.

Только теперь, получивши первый выпуск, я вижу, что многие мои заметки уже совершенно бесполезны, ибо Академия наук уже усвоила в сфере музыки некоторые выражения и термины, против которых я слишком поздно восстаю. Так, например, в первом выпуске везде употреблено выражение: „музыкальное орудие“ вместо „музыкальный инструмент“, — и мне остается примириться с этим режущим мне ухо переводом на русский язык слова, в переводе уже не нуждающегося вследствие давности и потому звучащего как бы натяжкой, насилием. Впрочем, предлагая свои замечания и поправки, я отнюдь не претендую на непогрешимость. . .»²³

3. Из письма П. И. Чайковского к Я. К. Гроту от 4 марта 1893 г.: «Позвольте предложить, быть может, неуместный вопрос. Имеется ли предположение указывать на значение некоторых глаголов в смысле бранном, шуточном? Например, при слове „треснуть“ будет ли указано, что в просторечии, а следовательно в любом бытовом очерке даже первоклассного писателя из „народников“, может встретиться выражение „треснуть в морду“ и т. п. Если да, то осмелюсь доложить, что слово „двинуть“, точно так же как и слово „свиснуть“, употребляется именно в том же смысле.

Ради бога простите, если это замечание слишком глупо и недостойно одного из сотрудников по корректированию Словаря»²⁴.

²² Полный текст письма напечатан в изданиях: М. Чайковский и й. Жизнь П. И. Чайковского, т. III. Москва—Лейпциг, 1903, стр. 321—422; О н ж е. Письма П. И. Чайковского и С. И. Танеева. Музык. изд. П. Юргенсон в Москве, стр. 162—163; Прошлое русской музыки. Материалы и исследования, I. П. И. Чайковский. Пг., 1920, стр. 56.

²³ Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 137, оп. 3, д. 1007, л. 1—3.

²⁴ Там же.

С 1922—1923 гг. стала постепенно налаживаться словарная работа в новых, в советских условиях. В этом отношении существенное значение имело учреждение в Академии наук института штатных научных сотрудников. «Комиссия по составлению Словаря русского языка» была переименована в «Постоянную словарную комиссию при Отделении русского языка и словесности Академии наук». В 1925 г., в связи с 200-летним юбилеем Академии наук, Словарная комиссия получила особое помещение, куда были перевезены все рукописные материалы, были отведены комнаты для работы научных сотрудников, а также было положено начало образованию словарной библиотеки.

С 1922 г. начинается новый этап в истории картотеки. Вскоре после возвращения материалов картотеки из Саратова в Петроград Словарная комиссия поставила себе задачей упорядочить эти материалы, т. е. расположить их в алфавитном порядке и составить список всех слов, зарегистрированных в неизданных материалах словаря. По мысли членов Комиссии, «такой список дает возможность урегулировать дальнейшее пополнение материалов и может служить справочником для желающих воспользоваться неизданными материалами»²⁵. Программа эта, однако, не была выполнена. Вплоть до 1938 г. были более или менее систематизированы карточки лишь на первые буквы алфавита, т. е. на те буквы, по которым велась словарная работа. Материалы же на все остальные буквы находились в таком состоянии, что были недоступны не только для широкого круга лексикологов, но и для сотрудников Словарного отдела. Неупорядоченность словарной картотеки и отсутствие точных правил и условий пользования ее материалами доставляли немало хлопот и неудобств редакторам словаря, отвлекая их на выполнение таких подсобных работ, которые с успехом могли бы быть выполнены сотрудниками менее высокой научной квалификации. В письмах редакторов А. А. Шахматову нередко высказываются огорчения по поводу необходимости отвлекаться на выполнение чисто технической работы по систематизации словарных карточек. Проф. С. К. Булич, редактор выпусков словаря на букву И, в письме к А. А. Шахматову от 18 июня 1903 г. жалуется на то,

²⁵ Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 2, оп. 1922 г., д. 7, л. 46—48.

что ему приходится заниматься приведением в порядок словарных материалов на букву И, так как в полученной им партии карточек «оказалось изрядное количество примеров, совсем не относящихся к букве И, в том числе карточки из путешествия Озерецковского и комедий Судовщикова, которые попали (. . .) огулом неравобранные». В этом же письме он рассказывает о приемах разбора карточек: «В неделю я привел их в порядок, так сказать „черновой“, алфавитный порядок по отдельным наиболее крупным слогам и сочетаниям букв вроде — и, иб, ив, иг, ид, ие, и т. д. Теперь примусь за приведение в алфавитный порядок уже по этим отдельным группам и постепенное приготовление наличного материала к печати»²⁶.

Позволение брать словарные материалы на квартиру приводило к тому, что большое количество цитат изымалось на длительное время из оборота, тем самым редакторы—составители словаря на другие буквы лишались возможности пользоваться ими для справок и для других видов словарной работы. Около 30 000 карточек-цитат на букву К, скопившихся за многие годы на квартире бывшего редактора словаря Д. К. Зеленина, попали после его смерти в Архив АН СССР и только в 1958—1960 гг. несколькими партиями были возвращены в словарную картотеку Института русского языка. Таким образом, свыше 30 000 карточек выпало из поля зрения научных сотрудников при их работе над составлением издаваемых в настоящее время академических словарей. Словарные материалы выдавались редакторам для работы не только на квартиру, но не исключалась возможность посылки их в другой город по месту постоянного жительства сотрудника словаря. Практика выдачи материалов сотрудникам словаря для работы на квартире продолжалась вплоть до 1938 г.

В 1938 г. И. А. Фалев составил подробную инструкцию по систематизации фондов картотеки, и в том же году начались работы по приведению в порядок словарных материалов. За период с 1938 г. по июнь 1941 г. удалось систематизировать материалы основной картотеки на буквы А—М. Начатая работа была прервана войной. В самом начале Великой Отечественной войны Советского Союза

---

²⁶ Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 134, оп. 3, д. 205, л. 23—24.

фонды картотек Словаря современного русского языка и Словаря древнерусского языка были перемещены с третьего этажа в вестибюль первого этажа Пушкинского Дома (Набережная Макарова, д. № 4). Наиболее ценные экспонаты литературного музея из Пушкинского Дома были эвакуированы в глубь страны. Помещение музея заняла воинская часть. Оставшиеся сотрудники музея несли оборонную службу, одновременно охраняя находившееся в музее имущество, в том числе и материалы словарных картотек ²⁷.

Массивные стены и прочные перекрытия бывшей Таможни, построенной в 1829—1832 гг. по проекту архитектора Лукини, большие оградительные щиты, заполненные песком, у окон здания надежно укрывали научные ценности от вражеских снарядов, фугасных и зажигательных бомб. Постоянную заботу о сохранности научных ценностей, оставшихся в блокированном Ленинграде, проявляли акад. И. И. Мещанинов и Уполномоченный Президиума Академии наук в Ленинграде проф. В. А. Мануйлов.

В октябре 1945 г. маленькая группа сотрудников Словарного сектора с помощью солдат одного из подразделений Советской Армии водворила словарные картотеки на свое, прежде занимаемое место в третьем этаже Пушкинского Дома. Однако в рабочее состояние удалось привести все фонды картотек и весь вспомогательный к ним аппарат лишь к середине 1947 г., после того, как была восстановлена должность заведующего картотекой. К этому времени заведующим Словарным сектором чл.-корр. В. И. Чернышевым была составлена специальная инструкция о приведении в рабочее состояние картотеки Словаря современного русского языка. Во второй половине 1947 г. словарные материалы были размещены в картотечных шкафах и стали доступны для пользования. Начатая в 1938 г. и прерванная войной работа по упорядочению словарной картотеки была возобновлена в 1948 г. Завершить же ее полностью удалось лишь в июне 1954 г. Окончание работы по объединению всех материалов в один общий алфавит от буквы А до буквы Я и написание слово-разделителей на все слова сделали картотеку доступной для пользования во всем ее объеме. Попутно с раскладкой

---

²⁷ 50 лет Пушкинского Дома. М.—Л., 1956, стр. 23.

материалов по алфавиту и написанием разделителей слов был осуществлен подсчет количества слов, зарегистрированных картотекой на каждую букву алфавита. Этим подсчетом было установлено, что по состоянию на 1 июля 1954 г. в нашей картотеке содержались материалы на 416 000 слов. Поступление в картотеку за послевоенные годы свыше 2 000 000 карточек обогатило ее 30 000 новых слов. Подавляющая часть новых поступлений приходится на терминологическую лексику. Таким образом, в настоящее время в академической словарной картотеке зарегистрировано свыше 440 000 слов.

Богатство русского языка, непрерывный рост словарного состава его с особенной наглядностью обнаруживаются в сравнительных данных. Словарь Академии Российской 1789—1794 гг. включает 43 000 слов, второе издание его в 1806—1822 гг. — 51 000 слов, Словарь церковнославянского и русского языка 1847 г. — 115 000 слов. Словарь Даля, широко представивший лексический состав русского языка 60-х годов XIX столетия, включает около 200 000 слов²⁸. Невиданный рост науки и техники, развитие культуры и искусства во второй половине XIX в. и в первой половине XX в. привели к новому обогащению словаря русского языка. Это обогащение словарного состава русского языка нашло свое отражение в нашей картотеке. В настоящее время в словарной картотеке содержится слов в три раза больше, чем в Словаре 1847 г., и в два с лишним раза больше, чем в Словаре Даля.

Представляют также интерес сравнительные данные о количестве слов, включенных в издаваемые ныне Институтом русского языка «большой» (17-томный) и «малый» (4-томный) академические словари. Семнадцать томов «большого» словаря на буквы А—Я содержат 120 480 слов, и четыре тома «малого» словаря на буквы А—Я содержат 82 160 слов. Это составляет в первом случае около $\frac{1}{4}$ зарегистрированных картотекой слов и около $\frac{1}{5}$ — во втором случае.

За последние годы богатствами картотеки стали широко пользоваться научные работники, преподаватели и аспиранты научных учреждений и высших учебных заведений Советского Союза, занимающиеся вопросами лекси-

²⁸ С. П. Обнорский. Культура русского языка. М.—Л., 1948, стр. 6.

кологии и грамматики. За период с 1947 по 1961 г. материалами картотеки пользовались около 900 человек. С опытом работы словарной картотеки знакомятся представители научных учреждений национальных республик. За последние годы усилился поток обращающихся в картотеку из братских стран народной демократии. Эта новая сторона в деятельности академической словарной картотеки будет, очевидно, усиливаться все больше и больше.

Перейдем к обзору некоторых ценных в научном отношении собраний словарных материалов, поступивших в Отделение русского языка и словесности в дореволюционное время и в Словарный отдел Института языка и мышления АН СССР после Октябрьской революции.

В академической словарной картотеке находятся три словаря к сочинениям Ломоносова.

Рукопись Русского словаря к сочинениям Ломоносова, составленного Н. А. Смирновым

Л. I—IV+739 л., в 1 л., с приложением статей: а) Особенности ломоносовского языка, 28 л., в 1 л.; б) Supplementum, 19 л., в 1 л., по инвентарной описи № 73. К словарю приложен также «Указатель сочинений Ломоносова и отдельных статей его, которыми автор пользовался при составлении словаря».

В отчете Академии наук по Отделению русского языка и словесности за 1886 г. говорится, что «по поручению Отделения и по его указаниям уже составлен магистрантом СП Университета Н. А. Смирновым словарь к сочинениям Ломоносова, который ляжет в основу будущего исторического словаря русского языка. Этот добросовестно исполненный труд, можно надеяться, выйдет в свет в будущем году»²⁹. Общее количество слов, включенных в словарь, по приблизительному подсчету составляет свыше 9000.

Рукопись Словаря к сочинениям М. В. Ломоносова, составленного И. М. Белоруссовым (на карточках)

В отчете Академии наук СССР за 1928 г. сообщается, что «в распоряжение Словарной комиссии поступил при-

²⁹ Отчеты ИАН по Отделению русского языка и словесности за 1866—1891 гг. СПб., 1903, стр. 607.

обретенный Академией наук «Словарь к сочинениям Ломоносова» (к т. I—V академического издания), составленный покойным педагогом Белоруссовым, включающий в себя более 18 000 карточек»³⁰. Мысль о составлении названного словаря возникла в кругах научной общественности в связи с исполнявшейся в 1911 г. 200-летней годовщиной со дня рождения М. В. Ломоносова. И. М. Белоруссов, директор Орловской и с сентября 1911 г. — Уфимской гимназии, автор нескольких учебников и других научных трудов по русскому языку, предложил свои услуги Академии наук в составлении словаря. В письме акад. А. А. Шахматову от 15 мая 1910 г. он следующим образом мотивирует свое желание заняться словарем: «Не имею права (из-за болезни) заниматься никакой утомляющей серьезной умственной работой, тем не менее хотелось бы мне еще потрудиться и сделать что-нибудь посильное. Такой посильной работой представляется мне составление Словаря Ломоносовского языка, предполагаемое к 200-летнему юбилею со дня рождения Ломоносова. Если газетные об этом сведения верны и если в Академии наук не намечено еще достойнейшее лицо для выполнения этой работы, то я очень хотел бы взять ее на себя. Не думаю, чтобы кто-нибудь из присяжных ученых взялся за нее: ведь тут не требуется большой учености, и нужна лишь кропотливость, аккуратность и понимание ломоносовского языка со стороны лексической, морфологической и синтаксической. А для этого достаточно и такого полуученого, как, например, я»³¹.

Академия наук согласилась поручить Белоруссову составление словаря и в июне 1910 г. выслала ему для этой цели академическое издание сочинений Ломоносова. Три месяца усиленной работы над словарем убедили Белоруссова, что он ошибся в своих расчетах относительно объема предстоящей работы и сроков окончания ее. 2 октября 1910 г. он пишет по этому поводу Шахматову: «Заполнил уже 3600 карточек, но новые слова и значения все еще сыплотся, как из рога изобилия. Ужасаюсь перед громадностью размеров словаря, если и дальше будет такое же изобилие слов и значений. А времени ведь

³⁰ Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1928 год. Л., 1929, стр. 282.

³¹ Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 134, оп. 3, № 108, л. 42.

совсем немного, если срок представления в Академию назначен на 1 января 1912 г. Я доканчиваю только I том, и, следовательно, впереди еще четыре тома, исключая VI и VII томы, печатающиеся в Академии»³². Ровно через год Белоруссов в письме Шахматову снова говорит о трудностях в работе над словарем: «Я в великом унынии и чуть не в отчаянии: несмотря на все усилия, приложенные летом, я по настоящий момент успел закончить только букву П, то есть три четверти словаря (около 7000 карточек), еще остается около 2500 карточек. . . Приложу все старания, чтобы закончить к 1 января 1914 года»³³. Исполненная часть словаря в 1914 г. была отправлена в Академию наук для рецензирования. Отзыв на работу Белоруссова был написан Д. К. Зелениным. Свое отношение к этому отзыву автор словаря в письме Шахматову от 15 января 1915 г. выразил следующими словами: «У меня нет времени обстоятельно высказать то впечатление, которое вынес я после прочтения отзыва Д. К. Зеленина. Но и теперь могу сказать, 1) что похвалы моему словарю со стороны семасиологической и синтаксической ободрили меня; что же касается стороны морфологической и фонетической, то недовольство г. рецензента выражено несколько неточно по существу и не соответственно отзыву о достоинствах словаря со стороны семасиологической и синтаксической»³⁴. Письмо заканчивается обещанием обстоятельно рассмотреть и оценить все замечания рецензента тогда, когда автор словаря расстанется с гимназией и окончательно засядет за окончание словаря предстоящим летом. Революционные события застали Белоруссова в Крыму.

Последнее письмо его к акад. Шахматову, посланное из Алушты с оказией, датировано 2 февраля 1918 г. В этом письме он сообщает, что, «несмотря ни на что», он находит все-таки возможным «отдыхать на Ломоносове, беседа с ним почти ежедневно по 6—7 часов». Заканчивается письмо словами: «И все-таки пожить хочется, чтобы докончить Ломоносовский словарь»³⁵. Как уже отмечалось выше, рукопись на карточках составленного Белоруссовым словаря к сочинениям Ломоносова поступила в Словарную комиссию Академии наук в 1928 г.

³² Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 134, оп. 3, № 108, л. 51.

³³ Там же, л. 65.

³⁴ Там же, л. 68—69.

³⁵ Там же, л. 78—79.

- Письма И. М. Белоруссова к А. А. Шахматову за 1900—1918 гг. представляют большой интерес для лексикографа. В них он ставит вопросы о принципах составления словаря писателя, об определении значений слов, об иллюстрации примерами значений слов, а также о технологической стороне словарной работы.

Материалы для словарей к сочинениям Ломоносова, Сумарокова и Державина, собранные К. П. Петровым

В 1908 г. от преподавателя словесности Петербургской женской гимназии (б. Мариинской) К. П. Петрова Отделение русского языка и словесности Академии наук приобрело за 300 руб. собрание выписок из сочинений Ломоносова, Сумарокова и Державина. Общее количество карточек, выписанных из сочинений названных авторов, составляет около 80 000, в том числе из сочинений Ломоносова — 18 000 карточек, из сочинений Сумарокова — 24 000 и из сочинений Державина — 32 000. До самого последнего времени эти материалы хранились в Словарном секторе Института русского языка без описи, так как были утрачены сведения об их происхождении и назначении. Для написания карточек были использованы чистые страницы школьных тетрадей по русскому языку и литературе, а также всякого рода личные бумаги собирателя словарных материалов. При просмотре карточек было обнаружено несколько таких, на обороте которых встретилось упоминание фамилии. Наличие таких карточек и помогло установить, что собирателем их является преподаватель словесности К. П. Петров, автор «Словаря к сочинениям и переводам Д. И. Фонвизина», изданного в 1904 г. при содействии Академии наук. Выписки текстов сделаны очень неразборчивым почерком и без указания автора и произведения. Как позднее было установлено, эти материалы после их поступления в Академию были «проштемпелеваны» в 1909 г. П. А. Дилакторским, т. е. на каждой карточке была проставлена штампом фамилия писателя³⁶.

Приведем несколько выдержек из писем К. П. Петрова к акад. А. А. Шахматову, в которых излагаются обстоя-

³⁶ Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 134, оп. 3, № 464, л. 3—4.

тельства приобретения Академией наук собрания словарных материалов к сочинениям Ломоносова, Сумарокова и Державина ³⁷.

Из письма от 3 ноября 1908 г.

«1 ноября я получил от Академии наук за № 328 предложение представить в Отделение русского языка и словесности составленные мною словари к сочинениям Ломоносова, Сумарокова и Державина вместе со счетом для получения 200 рублей в виде вознаграждения. Это предложение меня несколько удивило и до некоторой степени опечалило. В разговоре с Вами 6 октября я просил за каждый словарь по 100 рублей. Вы согласились и даже несколько меня обнадежили. В настоящее время просимая мною сумма оказалась уменьшенной. А между тем эти словари представляют собою результат нескольких лет».

Из письма от 8 ноября 1908 г.

«Опасаясь, вследствие моей старости и наступивших морозов, простудиться, странствуя с моей корзиной словарей по дворам, лестницам и кладовым Академии . . . я осмеливаюсь просить у В. Пр-ва позволения — привезти словари в Вашу квартиру и оставить в прихожей до офици. их приема уже и без меня».

Из письма от 28 ноября 1908 г.

«Вчера вечером я получил двести рублей ³⁸ за представленные мною словари и считаю долгом поблагодарить Вас за это вознаграждение и за хлопоты о скором этих денег доставлении».

Сравнение словника трех ломоносовских словарей на буквы Ж и Ш показало, что словарь, составленный Н. А. Смирновым, включает на эти буквы 97 слов, словарь

³⁷ Там же, № 1158, л. 15, 16, 17, 18.

³⁸ Как видно из записей в «Приходно-расходных книгах ОРЯС» за 1908 и 1909 гг., К. П. Петрову за три словаря уплачено не 200, а 300 рублей. Дополнительный платеж был произведен 14 января 1909 г.

И. М. Белоруссова — 86 слов и словарь К. П. Петрова — 68 слов. При этом оказалось, что из 125 слов на букву Ж, включенных в словарь тремя авторами, только 42 слова являются общими для всех трех словарей; остальные же 83 слова не совпадают, а дополняют друг друга. Данные этого сравнения словника свидетельствуют о неполноте собранного материала по всем трем словарям к сочинениям Ломоносова. Словарь, составленный И. М. Белоруссовым, отличается тщательностью разработки значений слов и более высоким уровнем технического оформления словарных материалов по сравнению со словарями, составленными Н. А. Смирновым и К. П. Петровым. Карточки-цитаты для словарей Ломоносова, Сумарокова и Державина, выписанные Петровым, исполнены очень неразборчивым почерком и без указания названия произведения.

Словарь к поэтическим произведениям П. А. Вяземского

Собрание выписок из поэтических произведений П. А. Вяземского было составлено внучкой поэта В. А. Шереметевой (вдовой графа С. Д. Шереметева) под наблюдением проф. Д. К. Зеленина. Около 15 листов словаря было отпечатано в 1914—1916 гг. в Московской синодальной типографии. Во время революционных событий 1917 г. отпечатанные листы словаря, а также значительное количество карточек-цитат на буквы А—Д погибли. Сохранившаяся часть материалов в количестве около 100 000 карточек в 1926 г. была приобретена Постоянной словарной комиссией Академии наук³⁹. В настоящее время это собрание материалов находится на хранении в Словарном секторе Института русского языка в Ленинграде.

Научный руководитель работы по составлению словаря проф. Д. К. Зеленин в черновых набросках предисловия к словарю пишет: «Наш словарь (Вяземского) лингвистический. Словарь словесных сочетаний, а не значений

³⁹ По данным «Отчета Академии наук за 1926 год» (1927, стр. 304), общее количество карточек определяется в 30 000, а в «Известиях Академии наук» (т. XX, 1926, стр. 1785) оценивается в 200 000 карточек. Как показали подсчеты карточек, произведенные сотрудниками словарной картотеки, верной цифрой является 100 000.

(не семасиологический, а чисто лингвистич. лексиколог.). Этот характер словаря давал нам право пренебречь совсем историко-литературным комментарием (особенно к собственным именам), но в интересах (не-лингвистов) историков литературы мы ввели (в малом, конечно, объеме) и эту объяснительную часть, поскольку это казалось нужным).

Мотивы, побудившие Д. К. Зеленина и его сотрудников приступить к составлению словаря П. А. Вяземского:

«Язык богат, заслуживает подробного изучения (словаря):

1) по происхождению вращался в высшем сословии (но был близок и к народу);

2) друг Пушкина, Жуковского и Карамзина, член Арзамаса;

3) пережил ряд эпох, отзываясь на каждую (с 1808 по 1874 г. Стихи есть): тут и наследие ложноклассиц., и реализм 60-х годов»⁴⁰.

Выписки цитат из поэтических произведений были сделаны по «Полному собранию сочинений князя П. А. Вяземского» (изд. С. Д. Шереметева, СПб., 1878—1896). Д. К. Зеленин в набросках предисловия отмечает также небрежность существующего издания сочинений Вяземского. В это издание вошли чужие стихотворения — В. Л. Пушкина и Батюшкова, иные стихотворения Вяземского повторены дважды. Неудовлетворительность издания вызывала необходимость сверки некоторых произведений по журналам, в которых они впервые были напечатаны.

* * *

Когда в 1938 г. была начата работа по систематизации фондов словарной картотеки, часть материалов словарей Ломоносова, Сумарокова и Державина из собрания К. П. Петрова, а также словаря Вяземского на первые буквы алфавита ошибочно были объединены с материалами общей картотеки. При производстве последующих этапов работы по упорядочению словарной картотеки эта ошибка была исправлена: карточки из собраний словарей писателей были выделены для отдельного от материалов общей картотеки хранения. После завершения работы

⁴⁰ Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 849, оп. 1, № 617 (листочки с текстом черновых набросков не пронумерованы).

по алфавитной раскладке материалы словарей писателей стали доступными для использования их в научных целях.

Материалы для словаря к сочинениям А. С. Пушкина

В связи с исполнявшимся в 1899 г. столетием со дня рождения Пушкина в кругах литературной и научной общестственности России появилась идея о составлении словаря к его сочинениям. Возникло несколько кружков, решивших осуществить эту идею. Инициаторы этого начинания сразу же обратились за содействием к Академии наук.

В газете «Новое время» за 22 марта (3 апреля) 1899 г. в отделе «Хроники» была напечатана заметка следующего содержания:

«Отделением русского языка и словесности Императорской Академии наук к юбилею Пушкина будет издан словарь к произведениям этого писателя. Цель словаря — объять (в алфавитном порядке) весь словарный материал Пушкина. В данное время приготовлена к печати первая его часть. В продаже появится он в начале мая, цена будет общедоступная».

Автором этой заметки, написанной с ведома А. А. Шахматова, был преподаватель русского языка В. А. Водарский. Он сотрудничал в академическом словаре с 1897 г. главным образом в качестве выборщика литературных примеров. Посылались ему также для просмотра корректурные листы словаря. Водарский в письмах к Шахматову выражает свое горячее желание участвовать в составлении пушкинского словаря⁴¹. В одном из писем за 1899 г. он просит Шахматова сообщить ему адрес Балмонта, чтобы «сговориться, столковаться с ним о единстве словаря». Позже (в 1901 г.) он сообщает Шахматову об отправлении своего Пушкинского словаря в «Филологические записки». Большую активность в организации работ по составлению словаря проявил А. И. Урусов. Ему удалось привлечь на добровольных и безвозмездных началах 35 сотрудников, которым была поручена выписка цитат из сочинений Пушкина. В своих статьях «О Пушкинском словаре», «Четыре мысли по поводу чествования

⁴¹ Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 134, оп. 3, № 292, л. 13, 91—92 и др.

Пушкина» Урусов подробно изложил техническую и организационную сторону дела по расписыванию произведений Пушкина ⁴². Эта деятельность Урусова привлекла внимание к нему А. П. Чехова. Так, в письме к нему из Ялты 1 февраля 1899 г. А. П. Чехов пишет:

«Я читаю газеты, читаю про словарь Пушкина и, конечно, завидую тем, кто помогает Вам» ⁴³.

В июне 1899 г. А. И. Урусов написал записку о работе сотрудников его группы по словарю Пушкина в Отделение русского языка и словесности Академии наук следующего содержания:

«Узнав, что Академия приступила к составлению Пушкинского словаря, позволю себе предложить пересылаемые при сем фиши, составленные мною и сотрудниками. . . Работа эта, предпринятая совершенно бескорыстно для чествования великого поэта, предлагается нами Академии в надежде, что она может сколько-нибудь пригодиться как подбор цитат на слова, расположенные в алфавитном порядке, причем мы вынуждены были пользоваться наиболее распространенным изданием Суворина. . .»

На заседании Отделения акад. А. А. Шахматов дал о труде, исполненном группой сотрудников А. И. Урусова, следующий отзыв:

«Материалы для Пушкинского словаря . . . находятся в настоящее время в Архиве нашего Отделения. Они заключаются в нескольких связках карточек на буквы А и Б, и, кроме того, к поэме «Руслан и Людмила» имеются карточки на все буквы. К материалам приложено несколько печатных гранок, из которых видно, что князь Урусов начал было уже печатать свой словарь. Часть карточек, вероятно, пригодится составителям Пушкинского словаря» ⁴⁴.

В том же 1899 г. в Отделение русского языка и словесности поступила записка поэта К. Д. Бальмонта, в которой он сообщал о том, что небольшой кружок поэтов и литераторов приступил к составлению словаря к сти-

⁴² Князь А. И. Урусов (1843—1900). Статьи его. Письма его. Воспоминания о нем, т. II, III. М., 1907, стр. 28—29, 31—33.

⁴³ А. П. Чехов. Собрание сочинений в двенадцати томах, т. 12. М., 1964, стр. 264.

⁴⁴ Сборник ОРЯС, т. 69. СПб., 1901. Извлечения из протоколов, стр. XVI—XVII.

хотворениям Пушкина. Бальмонт просит Отделение прийти на помощь кружку ассигнованием небольшой суммы на подготовительные работы. Отделение по ходатайству А. А. Шахматова определило выдать К. Д. Бальмонту 200 рублей с тем условием, чтобы в свое время Бальмонтом были представлены для рассмотрения и одобрения образчики упомянутого словаря ⁴⁵.

В письме от 4 декабря 1899 г. из Парижа Екатерина Бальмонт сообщает Шахматову о ходе работы по Пушкинскому словарю следующее: «Наш отъезд за границу приостановил нашу работу над буквой «Б», которую мы уже кончали с мужем, и над «Д», которую начали. Сотрудничество В. Як. Брюсова внесло некоторые изменения в наш первоначальный план. Брюсов взялся сравнить издание Литер. фонда, по которому мы работали, с вновь вышедшим полным Академ. изд. Преимущество последнего издания оказалось столь велико (. . .), что Брюсов предложил работать пока только над лицейскими стихотворениями». И дальше: «Брюсов хотел послать Вам свою статью о текстах Пушкина. А куда пошла работа А. И. Урусова? В каком положении прозаический словарь Пушкина? Мы вернемся в Россию летом и будем продолжать работу, которой теперь занят Брюсов и другие» ⁴⁶.

В «Дневниках» В. Брюсова встретились следующие строчки об участии его в работе по словарю:

«Следующий день вечером должно было быть у нас собрание деятелей Словаря, но оно не состоялось, ибо Сологуб не пришел, а Шахматова посовестились приглашать. Вместо них был Шуф» ⁴⁷.

Все начинания по составлению словаря к сочинениям Пушкина оказались незавершенными; выполнение этой задачи оказалось непосильным для упомянутых кружков. Часть материалов, собранных кружком А. И. Урусова, как мы указывали выше, поступила в Отделение русского языка и словесности Академии наук. Что же касается выписок из стихотворений Пушкина, выполненных участниками кружка Бальмонта и Брюсова, то судьба их нам пока неизвестна. Возможно, что это собрание выписок попало в Пушкинский Дом. Следует заметить, что ни

⁴⁵ Сборник ОРЯС, т. 69. Извлечения из протоколов, стр. III.

⁴⁶ Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 134, оп. 3, д. 77, л. 2—3.

⁴⁷ Валерий Брюсов. Дневники. 1891—1910. М., 1927, стр. 67.

в «Проекте словаря», ни в предисловии к 1-му тому «Словаря языка Пушкина», в которых кратко излагается история вопроса о Пушкинском словаре, не упоминается о кружке поэтов во главе с Бальмонтом и Брюсовым, занимавшемся подготовкой материалов для словаря к стихотворениям Пушкина. В 1959 г. словарная картотека получила от Пушкинского Дома большую партию карточек для Пушкинского словаря. Кем и когда эти материалы были собраны, пока не установлено. После выхода в свет в 1956—1961 гг. 4-томного «Словаря языка Пушкина», составленного коллективом научных сотрудников Института русского языка Академии наук СССР на основе исчерпывающей картотеки Словаря языка Пушкина, старые материалы для Пушкинского словаря, собранные несовершенными методами, утратили свою научную ценность.

Остается упомянуть еще об одном собрании материалов для Пушкинского словаря, о материалах, полученных ОРЯС от Е. Н. Щепкиной. В одном из протоколов Отделения русского языка и словесности за 1898 г. сообщается о том, что «Госпожа Щепкина представила, через посредство В. Н. Щепкина, весьма богатый материал для Словаря Пушкина (стихотворений), причем он расположен так, что, начиная с буквы И, им можно будет пользоваться для академического словаря. . . . Положено выразить госпоже Щепкиной признательность Отделения за пожертвование словарных материалов, извлеченных ею из стихотворений Пушкина, и выдать ей . . . 60 рублей из сумм Отделения»⁴⁸. Одно время высказывалась мысль о том, чтобы старые выписки из сочинений А. С. Пушкина включить в общую картотеку. Эта мысль была отвергнута руководством Словарного отдела Института языка и мышления по тем соображениям, что осуществление ее привело бы к дальнейшему увеличению повторных карточек из произведений Пушкина, выписанных к тому же по изданиям, тексты которых не были достаточно проверены. Исключение было сделано только для собрания материалов, выполненных Е. Н. Щепкиной на карточках такого же формата, как и материалы общей картотеки; ее материалы в 1939—1940 гг. были влиты в основную словарную картотеку.

---

⁴⁸ Сборник ОРЯС, т. 67, СПб., 1901, стр. XIV.

Из всех попыток составления Пушкинского словаря, предпринятых в досоветское время, ничего не вышло. Для осуществления такого предприятия «тогда не было создано и практической базы в виде научно организованной картотеки всех слов, употребленных Пушкиным в основном тексте тех его сочинений, которые в то время включались в популярные массовые издания»⁴⁹.

Собрание карточек-цитат для Словаря языка М. Ю. Лермонтова

В начале 1941 г. в Словарном отделе Института языка и мышления Академии наук СССР по инициативе старшего научного сотрудника И. А. Фалева образовался кружок, поставивший перед собой задачу подготовить материалы для составления полного Лермонтовского словаря и для исследований по языку и стилю Лермонтова. И. А. Фалев составил «Проект инструкции для выборок по Лермонтовскому словарю». Выборки цитат для словаря производились по тексту «Полного собрания сочинений» М. Ю. Лермонтова в пяти томах под ред. В. И. Эйхенбаума (изд. «Academia», 1935—1936). В работе по выборке участвовали следующие научные сотрудники Словарного отдела: И. А. Фалев, Л. С. Ляпунова, Н. Н. Роде, Н. И. Колюбакина, Н. Н. Филиппов, С. С. Советов, Л. В. Павленко, Р. Э. Порецкая, А. П. Могилянский, Е. Н. Шипова и И. К. Зборовский. Начавшаяся Великая Отечественная война и блокада Ленинграда прервали начатую кружком словарников работу. Всего было написано около 15 000 карточек-цитат. Эти материалы хранятся отдельно от общей словарной картотеки.

Материалы для словаря русского народного языка, собранные А. Н. Островским

История получения Отделением русского языка и словесности этих материалов изложена в статье Е. С. Кулябко «А. Н. Островский и Академия наук» и в комментарии Н. Т. Панченко к материалам словаря А. Н. Островского, впервые опубликованном в XIII томе [его Полного собрания сочинений]⁵⁰.

⁴⁹ Словарь языка Пушкина, т. I. М., 1956, стр. 9.

⁵⁰ А. Н. Островский. Полное собрание сочинений, т. XIII. М., 1952, стр. 384—386.

Они были доставлены в ОРЯС 30 марта 1891 г. братом писателя — М. Н. Островским. В архиве Словарного сектора хранится только часть этих материалов (1040 карточек), а другая часть (1500 карточек) находится в Архиве АН СССР в Ленинграде. В словарном же архиве хранится и оригинал письма акад. Я. К. Грота к М. Н. Островскому от 9 января 1892 г. следующего содержания: «Препровождаю при сем для библиотеки Вашего Высочайшего превосходительства экземпляр изданного Вторым отделением Академии наук 1-го выпуска Словаря, к составлению которого послужили между прочим и обязательно доставленные Вами материалы покойного Александра Николаевича. Поручаю этот труд Вашему благосклонному вниманию. . .»⁵¹ Для удобства пользования материалами А. Н. Островского их следовало бы объединить и хранить в одном месте. Поскольку они уже опубликованы, их лучше было бы хранить в Архиве АН СССР.

Рукописный словарь П. И. Кеппена

В автобиографической записке акад. П. И. Кеппен сообщает следующее об источниках своего словаря: «. . . следя за повременными изданиями, я, в свои собрания материалов, вносил не только из книг, но и из журналов и газет все замечательное, как относительно самих предметов, так и языка Русского»⁵².

Ф. П. Кеппен в статье, посвященной 100-летию юбилею своего отца — П. И. Кеппена, сообщает дополнительные сведения о названном выше собрании словарных материалов:

«Занимаясь чтением русских книг, Петр Иванович обращал внимание не только на излагаемый в них предмет, но и на язык, которым оне были написаны, причем он на особых карточках отмечал каждое слово, ему новое или употребленное в необычном смысле. Таким образом, в течение многих лет накопилось огромное собрание таких слов, простиравшееся до 20 000 в 1846 г., когда приобрело это собрание Второе отделение Императорской академии наук, которое в то время было занято составлением Словаря церковно-славянского и русского языка. В 1847 г.

⁵¹ Рукопись Словарного сектора 4/24, л. 41.

⁵² Юбилей П. И. Кеппена. СПб., 1860, стр. 7.

Петр Иванович принес в дар Отделению еще 1340 подобных карточек»⁵³.

Рукописный словарь акад. П. И. Кеппена находится на хранении в картотеке Словарного сектора. Общее количество слов, включенных в словарь и подтвержденных примерами-цитатами, превышает 10 000. Слова на буквы Б и В утрачены.

Материалы для V тома Словаря живого великорусского языка В. Даля. Слова и выражения, собранные В. Лихтенштадтом в Шлиссельбургской крепости с мая по декабрь 1911 года

Тетрадь с записями бывшего узника Шлиссельбургской крепости В. О. Лихтенштадта была передана его матерью в Отделение русского языка и словесности Академии наук в 1922 г. Несколько слов об авторе этих записей.

М. Н. Гернет в своем известном исследовании по истории царской тюрьмы посвятил В. Лихтенштадту следующие строки: «Человек с большими познаниями и с высоко развитым интеллектом, он и в тюрьме продолжал искать и приобретать новые знания. Он изучал там итальянский, испанский и датский языки, хотя уже владел немецким, французским и английским. Он много занимался переводами, имел склонность к лингвистике. Переведенный в виде репрессии в камеру с общеуголовными арестантами и с аграрниками, он интересовался собиранием у них материалов о различных наречиях по губерниям»⁵⁴. Он заинтересовал своих сокамерников словарем Даля и получил от них немало ценных дополнений к этому словарю.

В. О. Лихтенштадт занимался также переводами с немецкого. В 1920 г. в Петрограде была издана написанная им в Шлиссельбургской крепости в 1913—1914 гг. книга «Гете. Борьба за реалистическое мировоззрение. Искания и достижения в области изучения природы и теории познания».

Во время наступления генерала Юденича на Петроград осенью 1919 г. В. О. Лихтенштадт-Мазин находился на фронте; он был комиссаром 6-й стрелковой дивизии.

---

⁵³ Русская старина, т. 73, № 4. СПб., 1893, стр. 105.

⁵⁴ М. Н. Гернет. История царской тюрьмы, т. 5. М., 1956, стр. 173.

Прикрывая с небольшим отрядом отход наших частей от д. Кипень (в районе с. Красного), комиссар дивизии Мазин был захвачен белыми в плен и 15 октября 1919 г. расстрелян ими⁵⁵. На Марсовом поле в Ленинграде среди братских могил борцов революции и героев гражданской войны скромно возвышается гранитная плита с краткой надписью: «Лихтенштадт-Мазин В. О. 1882—1919 гг. Погиб в бою». В «Петроградской правде» за 17 июля 1921 г. был напечатан список коммунистов — виднейших деятелей революционного движения, в отношении которых Истпарт постановил собирать биографические сведения. В этом списке под № 32 значится и товарищ В. О. Мазин (Лихтенштадт) — революционер, ученый, воин.

Материалы П. К. Леонтьева для словарей синонимов, антонимов и омонимов

Павел Константинович Леонтьев (1870—1941 гг.), филолог по образованию, в течение 36 лет был учителем в средних учебных заведениях Владикавказа, Симферополя, Феодосии, Одессы и Ленинграда. В 1930 г. он вышел на пенсию и посвятил все свое свободное время собиранию материалов для словарей русских синонимов, антонимов и омонимов. Эту работу он начал еще в 1927 г. В 1941 г. он скончался в Ленинграде. 21 мая 1941 г. все собрание материалов П. К. Леонтьева сестра его передала безвозмездно Институту языка и мышления Академии наук СССР. Материалы поступили в Институт в полном беспорядке, в виде множества пакетиков и россыпи карточек, без всяких признаков системы.

В 1954 г. материалами Леонтьева заинтересовалась О. А. Мельник, доцент кафедры иностранных языков Ленинградского политехнического института имени М. И. Калинина. Она приложила большие усилия, чтобы привести их в порядок, который сделал бы возможным обзреть и изучать их. К концу 1954 г. О. А. Мельник закончила первый этап классификации карточек — распределение их на три группы: синонимы, антонимы и омонимы. В сентябре того же года она, на основе ознакомления с материалами, написала для «Лексикографического сборника» статью «Об одном рукописном словаре русских

⁵⁵ Г. Карев. Разгром Юденича («Ленинградская правда», 21 октября 1939 г.).

синонимов». О. А. Мельник не удалось завершить изучение материалов Леонтьева, она скончалась в первых числах января 1956 г.

В собрании словарных материалов П. К. Леонтьева насчитывается свыше 60 000 карточек. Если из этой цифры исключить большое количество повторных карточек (дублетов), то останется всего лишь около 23—28 000 «значимых» карточек-слов, в том числе: 10—15 000 с разными группами синонимов, 10 000 примеров с антонимами и около 3000 с омонимами.

К картотечному собранию приложены: а) краткое пояснительное описание (на 8 страницах машинописного текста) предпринятой П. К. Леонтьевым работы по составлению словарей; б) черновые записи в тетрадях и на отдельных листках — списки синонимов, объяснения значений синонимов, библиографические и биографические заметки и т. п. (на 383 л.); в) акт от 31 мая 1941 г. о передаче материалов П. К. Леонтьева на хранение в словарную картотеку Института языка и мышления.

Список сокращений

- Беляевск. — Рукописный отдел ГБЛ, Беляевское собрание
БКНИИ — Бурятский комплексный научно-исследовательский институт, Сибирское отделение АН СССР (Улан-Удэ)
ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде
ГИМ — Государственный исторический музей
ИМЛИ — Институт мировой литературы АН СССР
Кир.-Белоз. — Рукописный отдел ГПБ, Кирилло-Белозерское собрание
ЛАФОКИ — Лаборатория научно-прикладной фотографии и кинематографии
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР
МИФЛИ — Московский институт философии, литературы, истории
Муз. — Рукописный отдел ГИМ, Музейное собрание
ОИДР — Общество истории и древностей российских
ОЛДП — Общество любителей древней письменности
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГГА — Рижский государственный городской архив
РИБ — Русская историческая библиотека
Син. — Рукописный отдел ГИМ, Синодальное собрание
Соф. — Рукописный отдел ГПБ, Софийское собрание
Тип. — ЦГАДА, Типографское собрание
Толстовск. — Рукописный отдел ГПБ, Толстовское собрание
Тр.-Серг. — Рукописный отдел ГБЛ, Троице-Сергиево собрание
Увар. — Рукописный отдел ГИМ, Уваровское собрание
Фундам. — Рукописный отдел ГБЛ, Фундаментальное собрание
Хлуд. — Рукописный отдел ГИМ, Хлудовское собрание
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
Чуд. — Рукописный отдел ГИМ, Чудовское собрание